

Из интервью М.С.Горбачева: «Ельцин просил гарантировать его безопасность»

Новая газета, № 46 (417), 9-15 декабря 1996 г.

...Я чувствовал: что-то ненормальное происходит... Я с Ельциным увиделся перед его отъездом и сказал, что разговор не может выходить за пределы подготовленного нового союзного договора, который уже завизирован. Этот проект уже находился на рассмотрении Верховных Советов республик, и, естественно, ни Ельцин, ни я, никто не имел права, если мы политики, если мы отвечаем за государство, выходить за эти согласованные рамки. Но если Кравчук на основе своего референдума 1 декабря о независимости не пойдет на подписание договора, давайте обсуждать другие условия включения Украины — экономические, тем более над ними работала группа Явлинского и подготовила двадцать договоров, приложений, соглашений. Украина в числе других восьми республик их парафировала. И я участвовал в Кремле при этой процедуре. Значит, оставался только политический статус. Или конфедерация, или Украина как «ассоциированный член».

Я говорю Ельцину на прощание: «Тогда мы в понедельник все встречаемся: Ельцин, Шушкевич, Кравчук и Назарбаев». Проходит время — никакой информации. Что-то происходит за моей спиной... Звоню Шапошникову. Шапошников говорит: да, я с ним (с Ельциным) разговаривал. Я говорю: а почему ты мне не докладываешь? Он: да мы с ним просто советовались. Ельцин сказал, что то, что они в Беловежье делают, не затрагивает Вооруженные Силы, мы решили, что они остаются объединенными...

Вот так. Министр обороны СССР мимо меня, главнокомандующего, принимает решения.

Но тем не менее... А потом уже позвонил Шушкевич. Наверное, меньше всех выпил. Уже от Шушкевича я узнал, что Ельцин до меня звонил Бушу. Вот эти люди, их портрет..

— *А что Буш сказал в ответ?*

— Буш, я думаю, все равно ответил, что это наши внутренние дела.

— *А зачем Ельцин звонил Бушу?*

— Когда я давал обед в честь делегации, там сидели, как всегда: я с супругой Буша, Буш с Раисой Максимовной... какой-то круг лиц... Вдруг под конец этой трапезы подходят к Бушу Ельцин и Назарбаев. И заверяют Буша, что дают ему (американскому президенту!) обещание, что доведут все экономические преобразования до конца.

— *Много ли людей знало, что происходит в Беловежской пуще, раньше Вас?*

— Я думаю, что могли только предполагать. Накануне сотрудник президентского аппарата зашел ко мне. Поскольку я был занят, он оставил записку: «Михаил Сергеевич, я должен Вам сказать, что-то происходит в «российских кругах». И мне думается, сейчас Бурбулис, Шахрай и К° в контакте с Кравчуком ищут способ втянуть как-то Ельцина, чтобы он дезавуировал свои подписи под союзным договором».

Еще из Фороса я звонил Ельцину. Он спрашивал: вы читаете газеты, видите, как меня критикуют? Я говорю: вижу. И действительно его критиковали и Афанасьев, и другие из «ДемРоссии» за то, что он дал согласие на подписание договора 20 августа, за то, что «он сохраняет империю». Меня же, в свою очередь, и пусть это, говорю, тебя успокоит, критикуют за то, что я подписываю договор, который разваливает государство. Значит, мы на правильном пути, не принимаем ни ту крайность, ни эту.

Я говорю ему: Борис Николаевич, подписывай договор. Ты подпишешь, я подпишу, и Украина никуда не денется — подпишет. Не сейчас, так какое-то время спустя присоединится. Он говорит: как же без Украины? Я говорю — с Украиной. И вот уже в эти месяцы проводится большое исследование по Украине. Почти две трети опрошенных считают, что голосование о независимости было ошибкой. 45 процентов выступают за создание конфедеративного государства в самые короткие сроки...

— *Конкретно можно назвать человека, который был инициатором развала?*

— Нет. Я не думаю, что это можно свести к конкретному человеку. Но были авторы этого документа. В Беловежье Ельцин полетел с Шахраем, Козыревым, Бурбулисом.

Ельцин сейчас заявляет, что Пуца — единственный вариант. Нет, конечно. Можно было реформировать, нужна была децентрализация... Нужны были и политические реформы, чтобы республикам дать самостоятельность. Чтобы оставить за центром только то, что должно быть за центром. Собственно, выполнить Конституцию. Хоть раз в жизни...

— *Вы могли в отношении Кравчука, Шушкевича, Ельцина тогда применить силу. Как, например, в Алма-Ате.*

— Силу мы тогда применили и ошиблись, действовали «в духе старого подхода». Хотя там решительность была проявлена. Я тогда Кунаеву позвонил и сказал: вот вы там собираетесь штурмовать здание ЦК и правительства, имейте в виду, мы это остановим. Мне известно, что все нити идут от вас. Он там начал на Назарбаева валить, говорить, что уже на пенсии. Я сказал: я знаю, что я говорю. Через сорок минут все очистили, все прекрасно. Но тем не менее в промежутке были применены такие методы, которые выходили за рамки оправданных. Это была первая ошибка, и затем тоже были.

Что касается Беловежья. Ельцин даже боялся ко мне в понедельник идти. Говорит, что по Кремлю ездят грузовики, в которых много солдат. Спрашивает: гарантируете ли вы мне жизнь? Я говорю: я не знаю, что будет после с тобой, но пока я в Кремле — тебе ничто не угрожает. Он опоздал на двадцать минут... Да, был вариант применить силу. Но что произошло бы? Гражданская война!

Я думал тогда и думаю сейчас, что я в меньшей степени ошибался, когда решил, что это будет иметь, тяжелейшие последствия для страны. Я решил все делать в конституционном русле.

— *Вот приходит к Вам Ельцин с опозданием в двадцать минут...*

— А я с Назарбаевым сижу жду его...

— *И вот он входит в кабинет. Какими словами Вы его встретили?*

— Ельцин потом сказал, что начались прокурорские назидания Горбачева. Назарбаев сказал, что он оказался случайным свидетелем. Но ведь ситуация: я был удивлен кучей вопросов, на которые внятно он ответить не мог! Там что же, за каждый пункт Беловежских соглашений выпивали тост? И когда пункты кончились, не уверен, понимали ли они то, что сотворили.

- *СНГ не получилось. Конфликты, дележ, распри. Почему?*

— Это политика российского руководства. Они ведь были против плана Явлинского, межреспубликанской экономической политики, концепции единого экономического пространства. Бурбулис в своем секретном меморандуме в октябре 1991 года писал, что нам нужен мягкий договор для развода, а не программа Явлинского, которая закрепляет «семейную жизнь».

— *Почему же развал СССР ассоциируется не столько с Ельциным и Шушкевичем, сколько с Вами?*

— Все связывается с тем, что Горбачев начал реформы, оттуда все беды и пошли. Но серьезный анализ показывает, что политика перестройки оборвалась в августе после путча. И то, что происходило в последующие месяцы, — это ослабленный центр, ослабленный президент. Не все он мог.

Союзное руководство медленно проводило реформы, а Ельцин обещает, что все пойдет хорошо и быстро. Тут корни того, что он пошел на развал Союза. В январе 92-го нам заявляют, что к ноябрю — надо потерпеть до ноября — пойдет подъем. Или — на рельсы. Народ верил... И тут не грех вспомнить Никиту Михалкова, который сказал, что наш народ — фольклорный народ. Любимый принцип — «по щучьему велению», любимый предмет — «скатерть-самобранка»... Этим и воспользовались...

Интервью: Дмитрий БЫКОВСКИЙ, Станислав СОЛОВКИН,

Екатерина ЧЕРТИНА